

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ДЕСОВЕТИЗАЦИИ ТОПОНИМИИ В ГОРОДАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2020 г. К. Э. Аксенов*

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

**E-mail: axenov@peterlink.ru*

Поступила в редакцию 20.08.2020 г.

После доработки 22.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Десоветизация городской топонимии в работе понимается как процесс отказа от единой “матрицы урбонимов”, формировавших общую советскую идентичность, и как индикатор перехода российского общества от унификации идентичности к ее разнообразию. В работе доказывается, что практики десоветизации городской топонимии в России существенно различаются, и такие различия связаны с региональными комбинациями политических ориентаций населения и политических ориентаций правящей элиты. Полюса географических электоральных расколов, типы электоральных культур (по Р.Ф. Туровскому) описывают географические различия в процессах десоветизации топонимии. Показано, какое влияние на особенности и ход десоветизации оказывали организационные и политические особенности региональных и городских администраций в периоды переименований. Помимо общего тренда перехода от единой советской матрицы урбонимов к региональной диверсификации топонимических подходов отмечены тенденция к “деидеологизации” и “регионализации” топонимии через закрепление региональной исторической памяти, для национальных республик – минимальная “деидеологизация”, замененная “деколонизацией”, сопровождавшейся “национализацией” и той же “регионализацией” топонимии.

Ключевые слова: городская топонимия, десоветизация, идентичность, постсоветская трансформация, географические модели, электоральные расколы, городское управление

DOI: 10.31857/S0869607120030015

ВВЕДЕНИЕ

Топонимия¹ городов изучается в качестве самостоятельного предмета или индикатора различных нетопонимических процессов и явлений многими научными дисциплинами: лингвистикой [12, 29], историей [43], социологией и социальной психологией [32], политологией [33, 47], культурологией [6], управленческими дисциплинами [24] и др. В географии городская топонимия активно изучается соответствующими перечисленным отраслевыми географическими направлениями [44, 46, 48, 49], картографией, а также “объектными” дисциплинами: регионалистикой, страноведением и

¹ В отличие от географии, где (в российской практике) одним термином может обозначаться как предмет, так и название дисциплины, его изучающей (например, “география городов России” может подразумевать как саму пространственную организацию городов, так и изучающую ее дисциплину), то под топонимией традиционно понимается совокупность географических названий в какой-нибудь стране, местности [36] (“топонимия городов России”), а под топонимикой – научная дисциплина, изучающая географические названия (“топонимика городов России”).

урбанистикой [3, 34, 37]. Собственно топонимика может рассматриваться как совокупность отраслевых и междисциплинарных исследований своей предметной области всеми перечисленными научными дисциплинами и направлениями.

Распад СССР и постсоциалистическая трансформация вызвали значительные топонимические изменения на всем постсоветском пространстве [3, 34]². Направленность таких изменений на постсоветском пространстве, согласно ряду исследований, была связана с процессами дерусификации, смены геополитической ориентации государств, десоветизации и декоммунизации с различной территориальной приуроченностью, гетерохронностью, разной степенью агрессивности осуществления этой политики [3, 34]. В значительной мере эти изменения были связаны с конструированием новой национальной, политической и региональной идентичности [10, 24, 35, 39]. Такое конструирование происходило либо “сверху”, т.е. инициировалось и контролировалось властями разного уровня через “идеологизацию” пространства [3, 37], либо с участием общества и экономических субъектов – в этом случае, как правило, вне политических и идеологических целей [32]. Столицы государств – на национальном уровне [3], а “столицы” регионов – на региональном, выступили центрами топонимических инноваций [39].

В настоящем исследовании перемены в городской топонимии постсоветской России будут нас интересовать исходя из следующих аспектов:

- социологического: как элемента комплексной общественной трансформации;
- социокультурного: как практики конструирования идентичности;
- политологического и управленческого: как практики управления идентичностью в политических целях;
- общественно-географического: как центр-периферийное диффузионное явление, при котором процессы, происходящие в центральных городах, могут инициировать их распространение и на региональную периферию; как отражение пространственно-временных различий в факторах и региональных практиках конструирования идентичности.

Л. Сикора и С. Бузаровский считают, что три разных типа постсоциалистической трансформации в городе следует рассматривать по отдельности, поскольку они имеют разную природу и не синхронны во времени [50]. Это институциональная трансформация, трансформация социальных практик и трансформация морфологии городского пространства. Они утверждают, что, в то время как первая трансформация (к которой относятся экономические и политические институты) в целом завершилась, две прочие все еще идут в постсоветских городах (подробное обсуждение см. [45]). Разделяя такой подход, мы сосредоточимся на анализе одного из аспектов взаимодействия продолжающихся трансформироваться общественных практик (переименования городских топонимов), отчасти отражаемых и в городской морфологии (как минимум – в появлении новых табличек, указателей и иногда – памятных знаков, связанных с урбонимами³).

В данном исследовании в центре нашего внимания будет политический топонимический дискурс⁴. Мы рассматриваем управление идентичностью с использованием городской топонимии в качестве инструмента, применяемого властью для формирования лояльности. Использование такого инструмента – ключевой элемент политической практики. Поэтому здесь нас будет интересовать, прежде всего, “контекст властных вмешательств в наименование городских объектов” [10], а городскую топонимическую практику мы будем рассматривать в аспекте “отражения властных уста-

² Некоторые исследователи даже склонны именовать этот процесс “топонимическим переделом” [39], другие предлагают разделять процессы топонимической реставрации и топонимической коррекции [24].

³ В литературе для обозначения всех видов внуртигородских топонимов используется как термин урбоним, так и урбаноним [23].

⁴ Помимо него чаще всего рассматривают историко-культурный и прагматический дискурсы [9, 10, 32].

новок, политического дискурса власти, в чьем ведении находится политика и практика наименования и переименования городских объектов” [10].

В литературе отмечалось, что наиболее общим трендом в ходе общественной трансформации на постсоветском пространстве стал переход от унификации идентичности к ее разнообразию, а в “топонимическом переделе” – от насаждавшейся в советское время единой матрицы урбонимов к диверсификации топонимической политики по многим параметрам [3, 34, 39]⁵. В практике постсоветских городских топонимических переименований в России и СНГ, помимо десоветизации, исследователи выделяют многочисленные тренды: историко-культурный этноцентризм, политизация, гипертрофированность эпох, геополитическая переориентация [3], деатеизация, деколонизация, новые места памяти, десекуляризация, “пакетный” урбанизм, “политика покаяния” [39]; сакральные, политико-идеологические, этноисторические, этнокультурные геоконцепты [16], равно как и более дробные основания для переименований (например, [24, 29]).

Из всего многообразия процессов, связанных с топонимической политикой в городском пространстве в России, мы выбрали один маркер, который способен, на наш взгляд, отразить как тренд перехода от универсализма к диверсификации практик управления идентичностью с помощью топонимии, так и потенциально – содержание различных моделей конструирования идентичностей властью. Таким маркером выступила десоветизация городской топонимии, которую для целей данной работы мы будем понимать как процесс отказа от урбонимов, формировавших единую советскую идентичность. В качестве объекта исследования выбраны центральные города российских регионов. Главные вопросы, которые автор перед собой ставит, это:

- как различаются практики десоветизации городской топонимии в России?
- какие факторы оказывают основное воздействие на такие различия?
- существуют ли географические закономерности распространения этих различий?
- можно ли описать такие закономерности как географические модели?

В качестве основной гипотезы мы выдвигаем предположение, что поскольку практика десоветизации/консервации городской топонимии тесно связана с использованием последней в конструировании региональной идентичности в целях повышения/закрепления лояльности населения региональной/городской власти, то региональные различия в такой практике зависят от региональных комбинаций политических ориентаций населения и политических ориентаций правящей элиты.

То есть, в частности, если преобладающие политические ориентации населения и правящей элиты совпадают, то реализация соответствующих им топонимических практик будет способствовать/не мешать повышению лояльности населения данной элите. В случае же, когда такого совпадения нет, стоит ожидать снижение лояльности вплоть до проявлений различных форм гражданского и политического активизма.

С помощью предлагаемого прикладного исследования мы попробуем ответить на поставленные вопросы и проверить выдвинутую гипотезу.

ДАнные И МЕТОды

Не имея возможности провести анализ зависимостей практик десоветизации топонимии центральных городов всех российских регионов, необходимо было произвести выборку городов, которые были бы репрезентативны для заявленных исследовательских целей. В соответствии с нашей рабочей гипотезой, выбранные города должны репрезентировать региональные различия политических ориентаций населения. С этой целью мы использовали концепцию электоральной карты России Р.Ф. Туровского. Согласно ей, отражаемые в электоральном поведении региональные различия в поли-

⁵ Некоторые исследователи отмечают наметившуюся в России в последние годы тенденцию к восстановлению федеральной матрицы в структуре урбонимов [39].

тических ориентациях населения в значительной мере описываются “горизонтальными расколами”, главными из которых выступают раскол между русским ядром и этническими перифериями, раскол “Север–Юг”, усиливающийся раскол “Запад–Восток” [38]. Выбираемые нами для анализа города, таким образом, должны репрезентировать эти расколы. Поэтому мы выбрали 4 города, представляющие, по нашему мнению, основные полюса упомянутых расколов, а также, по мнению Р.Ф. Туровского, 4 “идеальных типа электоральных культур” (из шести таких типов, связываемых им с горизонтальными расколами) [38]:

- Великий Новгород – северная (северо-западная) электоральная культура, северный и западный полюса расколов;
- Владивосток – восточная (сибирская и дальневосточная) электоральная культура, восточный полюс расколов;
- Рязань – южная электоральная культура и полюс расколов;
- Махачкала – предкавказская электоральная культура и полюс этнической периферии.

Для каждого города использовалось описание соответствующего ему типа электоральных настроений в постсоветский период до 2006 г. из упомянутой работы Р.Ф. Туровского. Для анализа актуальной картины электоральных настроений мы произвели анализ голосований по сравнимым индикаторам на последних выборах в Государственную Думу РФ 2011 и 2016 гг. по этим городам по данным ЦИК РФ [42].

Для анализа связи десоветизации городской топонимии и политических ориентаций правящей элиты были произведены сравнения периодов ключевых переименований урбонимов со сроками исполнения полномочий региональных и городских глав исполнительной власти (и их политического профиля).

Проверка основной гипотезы проводилась также на основе анализа данных СМИ об общественном активизме в отношении топонимической политики властей.

Для оценки процессов десоветизации топонимии в выбранных для исследования городах использовались данные о составе урбонимов до 1990 г. (по наиболее близким по времени к этой дате доступным источникам) и в 2020 г. В качестве источников данных для соответствующих лет использовались справочники, картографические материалы (для советского периода), официальные документы, публикации и данные информационных порталов [4, 8, 13, 17, 18, 21, 22, 25, 26, 28, 30, 31]⁶. Данные также верифицировались по [41].

Дополнительно мы провели сравнительный анализ динамики переименований главных (знаковых центральных) улиц соответствующих городов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИКЛАДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В табл. 1 представлены показатели процесса десоветизации топонимии в выбранных городах. Очевидно, что города по этим показателям сильно различаются, что как минимум свидетельствует о том, что наша выборка действительно фиксирует различия в исследуемых процессах. Каждый город можно описать модельными характеристиками десоветизации, выраженными в сравнительном лидерстве или отставании в относительных величинах, показанных в табл. 1.

Так, максимально интенсивный характер десоветизации демонстрировал Великий Новгород, минимальный (но с принципиально разными особенностями) – Рязань и Махачкала. Великий Новгород характеризовался максимальной глубиной переименований советских урбонимов: в 2020 г. там оставалось лишь 3% таких названий, 71% существовавших к концу советской эпохи советских урбонимов было переименовано.

⁶ В сборе и первичной обработке данных в рамках работы по учебному курсу “Политическая география города” магистерской программы “Геоурбанистика” Санкт-Петербургского университета принимали участие магистранты А. Архипова, А. Коськин, М. Манёров, А. Гордиенко.

Таблица 1. Сравнительные показатели процесса десоветизации топонимии в модельных городах (в каждом случае % рассчитаны по двум предыдущим столбцам)***Table 1.** Comparative indicators of the process of toponymy desovetization in model cities (in each case, % is calculated from the previous two columns)

минимальное значение среди рассмотренных городов (minimum value among the cities considered)												
максимальное значение среди рассмотренных городов (maximum value among the cities considered)												
Город	Всего названий (1989), ед.	Названия, носящие признаки советской идеологии (1989), ед.	%	Всего названий (2020), ед.	Названия, носящие признаки советской идеологии (2020), ед.	%	Переименованные названия в 1990–2020 гг., ед.	Переименованные названия 1989 г., носящие признаки советской идеологии, ед.	%	Все названия, носящие признаки советской идеологии (1989), ед.	Переименованные названия 1989 г., носящие признаки советской идеологии, ед.	%
Великий Новгород	278	35	13	341	11	3	49	24	49	34	24	71
Рязань	1005	106	11	1145	91	8	21	17	81	106	17	16
Владивосток	680	60	9	799	44	6	24	16	67	59	16	27
Махачкала	677	163	24	897	144	16	108	39	36	163	39	24

* Составлено автором, в сборе и первичной обработке данных принимали участие А. Архипова, А. Коськин, М. Манёров, А. Гордиенко.

Рязань отличалась минимальным значением последнего упомянутого параметра из всех городов – там переименовали всего 16% таких названий, несмотря на то, что, казалось бы, из тех названий, которые изменялись в последние 30 лет, абсолютное большинство было именно советских. Просто общее количество переименований было там минимальным из всех городов. Не менее консервативную тенденцию, хотя и с другими характеристиками, демонстрировала Махачкала. Там и в 1989, и в 2020 гг. насчитывалась максимальная среди прочих городов доля советских названий. В отличие от Рязани там общий процесс переименований шел максимально интенсивно, но именно советские названия он затронул в минимальной по отношению к другим городам степени. Владивосток занимал промежуточное положение, приближаясь скорее к консервативной рязанской модели, чем к радикальной новгородской.

Насколько коррелируют эти различия с описанными Р.Ф. Туровским моделями в электоральных культурах, которые выбраны автором представляются?

Согласно Р.Ф. Туровскому, каждая из электоральных культур отличается своими особенностями электорального поведения по характеристикам конформистского, левого, национально-патриотического, либерального типов голосований в сопоставлении со среднероссийскими [38].

Представленная **Великим Новгородом** Северная (северо-западная) электоральная культура отличалась конформизмом (мы это явление называем лоялизмом [2]), возникшим на волне либеральных реформ, которые привлекли на Севере большие симпатии. Наряду с поддержкой “партии власти” (особенно в 1990-е гг.) северные территории характеризовались повышенным фоном как либерального, так и национал-популистского голосования. Популярность левых сил здесь стабильно низка, что принципиально отличает Русский Север от Русского Юга [38]. Описанная Р.Ф. Ту-

Таблица 2. Сравнение электоральных результатов по модельным городам и РФ в целом на голосованиях по единому федеральному округу на выборах в Государственную Думу РФ по прошедшим в Государственную Думу партиям 4 декабря 2011 г. и 18 сентября 2016 г.*

Table 2. Comparison of electoral results for model cities and the Russian Federation as a whole in the voting for the unified Federal district in the elections to the State Duma of the Russian Federation for the parties that got representation in the State Duma on December 4, 2011 and September 18, 2016

		минимальное значение среди рассмотренных городов (minimum value among the cities considered)					максимальное значение среди рассмотренных городов (maximum value among the cities considered)				
Город	2011					2016					
	% участия в выборах	% за “Справедливая Россия”	% за ЛДПР	% за КПРФ	% за “Единая Россия”	% участия в выборах	% за “Справедливая Россия”	% за ЛДПР	% за КПРФ	% за “Единая Россия”	
Великий Новгород	55.5	28.4	10.7	24.5	27.4	37.0	16.5	14.1	17.7	32.1	
Рязань	50	17	16.5	28.9	28.7	33.9	8.4	16.9	18.2	41.1	
Владивосток	42.7	21.1	20.1	27.8	23.2	29.8	8.2	17.6	20.6	31.1	
Махачкала	91.4	0.7	0.0	4.7	95.1	87.7	3.5	0.6	4.3	88.1	
РФ	60.2	13.2	11.7	19.2	49.3	47.9	6.22	13.1	13.3	54.2	

* Составлено автором, в сборе и первичной обработке данных принимали участие А. Архипова, А. Коськин, А. Гордиенко.

ровским тенденция (за исключением лоялизма) отчасти подтверждается и результатами недавних выборов в Госдуму (табл. 2). Максимально либеральной альтернативой из представленных в таблице выступает партия “Справедливая Россия”, за которую в Великом Новгороде была подана максимальная из всех городов доля голосов. Зафиксированная нами максимальная глубина десоветизации топонимии вполне соответствует самой низкой из трех рассмотренных “неэтнических” региональных центров поддержке левых сил и либеральной ориентации, характерной для данной электоральной культуры.

Рязань и Южную электоральную культуру отличает, главным образом, популярность левых сил, в первую очередь – коммунистов. Южная культура возникла в связи с расколом “Север–Юг”, как антипод северной культуры [38]. Таблица 2 это также подтверждает. Максимальный консерватизм в переименовании советских топонимов Рязани, зафиксированный нами, полностью отражает электоральную культуру “красного пояса”.

Особенностью **Владивостока** и Восточной (сибирской и дальневосточной) электоральной культуры является пониженный уровень лоялизма, а также повышенные национал-популистская ориентация и поддержка левых сил (что отличает Восток от Севера) [38]. Все эти тенденции подтверждаются материалами табл. 2, с добавлением минимального среди всех городов уровня участия в голосовании. Консервативная тенденция десоветизации, описанная выше, также вполне коррелирует с характеристиками этой электоральной культуры.

Материалы табл. 2 демонстрируют, что **Махачкала**, представляющая Предкавказскую электоральную культуру, по сравнению с описанным Р.Ф. Туровским периодом (в котором он отмечал и повышенную долю голосовавших за левые силы), к 2010-м гг. сохранила и значительно усилила лишь лоялистскую тенденцию – до максимального

среди всех городов уровня. Голосование за партию власти и участие в голосовании здесь стало стабильно максимальным, поддержка всех остальных думских партий – минимальной. Думается, что модель консервативной десоветизации топонимии, продемонстрированная Махачкалой, лишь отчасти описывается трендами электоральной культуры. Однако нельзя недооценивать и существенные особенности последней, отражаемые в ее плебисцитарности (единодушной поддержке официальной позиции властей).

Для оценки потенциального влияния вклада региональных и местных политических элит мы провели сопоставление динамики постсоветских переименований с периодами исполнения обязанностей глав органов исполнительной власти (табл. 3). Помимо динамики прохождения основных волн переименований, нам показалось показательным сравнить политику и динамику переименований главных (знаковых центральных) улиц исследуемых городов. Для большей сравнимости были выбраны улицы/проспекты, носившие имя Ленина. По каждому городу была дана оценка уровня общественной поддержки топонимической политики для проверки выдвинутой основной гипотезы.

Переименования в **Великом Новгороде** прошли в пять волн, причем более 80% от всех переименований произошли в 1991 и 1999 гг. Первые четыре волны можно смело соотносить с периодом губернаторства демократически ориентированного М. Прусак и тесно связанными с ним первыми тремя главами города. Одним из первых в 1991 г. центральному проспекту Ленина было возвращено историческое дореволюционное название Большой Московской ул. Тем не менее, оба произведенных после 1999 г. переименования советских топонимов (замена в 2011 г. имен площади и проспекта Карла Маркса) произошли при мэре-единороссе Ю. Бобрышеве. Это, вероятно, свидетельствует о сохранении совпадения антикоммунистических настроений электората и элиты города и после ухода из руководства “номинальных” демократов. Интересно, что значительное место среди заместивших советские топонимы заняли названия, связанные со Второй мировой войной и героями, имевшими отношение к Новгородской земле. Достаточно специфической особенностью Новгородской урбонимии стало появление с 1993 г. двояных названий: новое/возвращенное досоветское + советское. Это происходило с “военными” названиями (пл. Софийская-Победы) [8], а также в случаях, если советские имена были связаны с героями и иными личностями, значимыми для региона, а не “общесоветскими”. Например, ул. Тимура Фрунзе была переименована в ул. Тимура Фрунзе-Оловянка. Т. Фрунзе героически погиб в боях за Новгородскую обл. Таким образом, можно отметить как новгородскую особенность десоветизации – ее “регионализацию” через сохранение исторической памяти о советской региональной героике.

В Великом Новгороде процесс общественного обсуждения топонимической политики идет весьма активно, непрерывно и максимально гласно, что, возможно, влияет на минимизацию проявлений иных форм гражданского активизма в этой области⁷. Обсуждение затрагивает как появление новых урбонимов, так и уже состоявшиеся переименования. Так, из массы переименованных в 1991 г. названий в некоторых случаях были произведены коррекции переименований. Одни носили чисто прагматический характер. Так, три переименованные в 1991 г. улицы позже объединили в одну: вместо Фроловской, Забавской и Предтеченской появилась одна улица Предтеченская. Другие – смысловые, с учетом общественного обсуждения: Лубянице вернули прежнее название – Пушкинская. Однако переименований обратно в советские идеологические названия не произошло. Примечательно, что такие требования неоднократно публично звучали (преимущественно от ветеранских организаций [7]), и большинство из них выливалось в официально организованные общественные обсужде-

⁷ На сайте городской Думы работает специальный ресурс для диалога с топонимической комиссией [11].

ния, включавшие опросы, дискуссии в топонимической комиссии и голосования в городской Думе. Из наиболее резонансных и показательных для нашей темы отметим два.

Уже упомянутое переименование площади и проспекта Карла Маркса в 2011 г. вызвало, пожалуй, одно из самых бурных общественных обсуждений, включавших публикацию писем протеста, и вылившееся в проведение масштабного опроса и голосования в городской Думе. Большинство горожан и депутатов, а затем и мэр города поддержали переименование, несмотря на наличие явно выраженного оппозиционного мнения меньшинства. Примечательно, что сама улица появилась лишь к 1950-м г., ее планировали назвать именем Сталина, но в связи со сменой политической эпохи назвали Вокзальной, а в позже – Карла Маркса. В 2011 г. решено было не возвращать прежнее нейтральное название советского времени, а дать идеологически (религиозно) нагруженное новое название Воскресенский бульвар. Видимо, именно такая нагрузка вызвала новую волну протестных обсуждений со стороны ветеранов. Примечательно, что последние их требования уже не имели ничего общего с коммунистической идеологией как таковой (в этом мы видим признание ими мнения большинства), а были связаны с темой секуляризации и военной тематикой. Однако после обсуждения в 2020 г. их требование переименовать Воскресенский бульвар в бульвар Красной Армии было отклонено Думой [1].

Второе резонансное общественное обсуждение было связано с требованием возвращения переименованной в 1991 г. в историческую “улицу Федоровский Ручей” им. Гагарина. Такие требования общественностью высказывались неоднократно: в 2006, 2007, 2009, 2011 и 2019 гг. Связаны они были не столько с идеологическими, сколько с утилитарными аргументами (неоднозначностью для понимания сочетания “улица-ручей” и неудобством употребления), а также с популярностью личности первого космонавта. В противовес звучали исторические и местно-патриотические аргументы. В качестве компромисса предлагалось даже назвать другую (новую) улицу именем Гагарина. В конце концов также было проведено голосование, и в 2019 г. вопрос был закрыт большинством голосов в пользу сохранения исторического названия [19].

Очевидно, что действия властей по переименованиям урбонимов в Великом Новгороде весьма активно верифицируются обществом с применением демократических процедур, что нейтрализует появление потенциальных напряжений в отношениях общества и власти.

Абсолютное большинство переименований советских топонимов в **Рязани** имело место в 1994 г. (в преддверии празднования 900-летия города), в период нахождения во главе города В. Рюмина (до 21.03.1994 г.), с 1989 г. возглавившего Рязанскую оппозицию КПРФ, а с 1990 г. ставшего координатором движения “Демократическая Россия” в Рязанской области. В последующие годы руководство исполнительной власти было более консервативным в соответствии с настроениями электората. В 2000-х гг. из “советских” названий были переименованы лишь улицы Каляева и Халтурина (террористы-революционеры), которые могли попасть в “опалу” тогдашним коммунистическим, патриотическим и лоялистским руководителям города и региона не столько из-за борьбы с советской идеологией, сколько с терроризмом. Таким образом, можно предположить, что если бы на волне первых демократических реформ к власти в городе не пришли демократы, то десоветизация топонимии Рязани могла не состояться вовсе. Очень показательным примером того, как такая идеологическая инверсия власти компенсировалась в топонимии, выступает судьба центральной улицы Рязани: дореволюционная Большая Астраханская ул. в 1919 г. была переименована в Советскую, в 1924 г. – в ул. Ленина, в 1994 г. (при главе города В. Рюмине) – в Астраханскую ул., а в 1997 г. с приходом как в регионе, так и в городе к власти представителей КПРФ – обратно в ул. Ленина. Этот пример не единственный. Одной из первых процедур переименования подверглась улица Энгельса, которая стала именоваться

Рыбачкой. После начала протестных выступлений “для успокоения недовольных” в качестве компенсации улицу Индустриальную в Приокском поселке переименовали в улицу Энгельса [18]. Мы интерпретируем данные примеры как показатель несовпадения преобладавших настроений общества с практикой десоветизации, что привело к активизму и коррекции новой политической элитой принятых ранее решений.

Во **Владивостоке** десоветизация началась раньше, чем в других городах: еще в 1990 г., до избрания Б. Ельцина президентом РСФСР была переименована ул. Жертв Революции. Основная городская волна переименований советских урбонимов имела место в 1991 г. и связана с совпадавшими на тот момент демократическими и посткоммунистическими обновленческими настроениями электората и власти. В 1997 г. вторая волна переименований (в период исполнения обязанностей популярным и демонстрировавшим свою политическую независимость главой города В. Черепковым) в значительной мере коснулась топонимов присоединенного к городу поселка Трудовое. Судьба названий центральной улицы Владивостока складывалась следующим образом: изначально Американская ул. в 1873 г. была переименована в Светланскую (оба имени — по названиям исторически знаковых кораблей для региона), затем в 1924 г. — в Ленинскую, а в 1992 г. — обратно в Светланскую [21]. Такая “нормальная” модель, когда знаковой центральной улице, носившей на момент переименования имя Ленина, возвращается и впоследствии сохраняется историческое дореволюционное название (или его производная), повторяет пример Великого Новгорода и представляется распространенной.

Нам не удалось найти следов серьезного протестного активизма, связанного с переименованием советских урбонимов во Владивостоке. Вероятно, это связано с широкой общественной поддержкой харизматичного мэра В. Черепкова и его политики, частью которой и были указанные переименования⁸. Несмотря на такую лоялистскую реакцию на “черепковские” переименования советских урбонимов, прочая топонимическая проблематика активно формирует политическую повестку города. Последний пример: Владивосток оказался одним из лидеров среди городов, инициировавших общественную кампанию, требующую переименования ул. Терешковой в знак протеста против формального инициирования ею процесса, запустившего проведение референдума об изменениях в Конституцию в 2020 г. [5]. Можно заключить, что несмотря на осознаваемую обществом значимость топонимической повестки в политической борьбе, процесс десоветизации во Владивостоке происходил в режиме общественно-политического согласия.

В отличие от всех остальных городов, в **Махачкале** переименования топонимов носили характер не волн, а постоянно действующей практики. Некоторые улицы переименовывались неоднократно (пр. Калинина с 1992 г. — проспект Коркмасова, с 1996 г. — пр. Имама Шамиля). Переименования приостанавливались, как правило, лишь в период смен исполнительной власти республики и города. Абсолютное большинство советских топонимов было заменено именами национальных деятелей. Примечательно, что при этом новые названия могли также быть связаны с социалистическими революционными деятелями и с советскими партийными, государственными, спортивными и прочими фигурами, но только относящимися к дагестанско-вайнахским этносам. Таким образом, в данной модели десоветизация топонимии обуславливалась не столько стремлением к ее “деидеологизации”, сколько тем, что В. Тхакахов именуется “деколониацией” [39], сопровождавшейся этнической “национализацией” топонимии. Второй тенденцией была уже отмеченная для Великого Новгорода “регионализация” исторической памяти, не обязательно связанная с этничностью. Так, некогда унифицированные советские урбонимы получили имена персон, связанных с Дагестаном:

⁸ В поддержку данного тезиса косвенно говорит тот факт, что после образования (лишь в 2008 г.!) топонимической комиссии в городе эта комиссия неоднократно рассматривала и отклоняла обращения по поводу переименования той или иной улицы в ул. В. Черепкова [20].

Плешакова (министр труда СССР), Подвального (герой Чеченских кампаний, депутат от Дагестана), Селивантеева (герой Советского Союза, погиб в Махачкале) и др. В списке новой топонимической иконографии есть и весьма политизированные персоны: Имам Шамиль, А.А. Аджиев (идеолог газавата против России в Кавказской войне XIX в.). Центральная Инженерная улица Махачкалы после революции была переименована в Молодежную, в 1923 г. – в Комсомольскую, в 1950 г. – в ул. Сталина, в 1954 г. – в ул. Ленина, в 1977 г. – в Ленинский пр., в 2005 – в пр. Расула Гамзатова. Этот пример довольно позднего переименования также подтверждает тот факт, что идеологический аспект десоветизации в топонимической политике Махачкалы имеет вторичное значение на фоне упомянутых тенденций к “национализации” и “регионализации”⁹.

Топонимический активизм в Махачкале довольно выражен, особенно в последние годы, и направлен не на противодействие или поддержку десоветизации, а на две основных повестки. Во-первых, это протесты против особенностей административной практики переименований исходя из прагматических соображений. Неоднократно публично высказывалось недовольство: непрекращающимся почти ежегодным процессом переименований, непрозрачностью и бесконтрольностью решений властей в этом процессе, неоднократным переименованием одних и тех же улиц, дублированием названий, сменой нумерации домов и другой айдентики в этих процессах. Недовольство вызывали при этом большие затраты экономики на переименование, затраты личных средств и времени горожан на замену документов и айдентики, неэффективность организации этих процедур, практические проблемы ориентации горожан и городских служб в пространстве, клановость принятия решений о переименовании (именами родственников и т.п.) [15, 27].

Вторая протестная повестка связана не с административными, а идеологическими и политическими аспектами переименований. Они напрямую не связаны с десоветизацией, а имеют отношение к особенностям местной специфики выбора тематик для новой иконографии. Помимо упомянутых тем, фиксировались выступления против отдельных имен и принципов их использования, применительно к плану или практике конкретных переименований [14]. Неоднократно звучали призывы как к прекращению бесконтрольной высокой топонимической активности властей, так и к возвращению старых названий (однако не в связи с желанием реставрации советских названий, а скорее коррекции недавней практики) [27]. Можно заключить, что безотносительно повестки десоветизации, топонимическая практика властей Махачкалы способствует росту напряженности между властью и обществом.

ВЫВОДЫ

Мы подтвердили тот факт, что практики десоветизации городской топонимии в России существенно различаются, и такие различия, по всей видимости, связаны с региональными комбинациями политических ориентаций населения и политических ориентаций правящей элиты. Характерные для зон расположения наших модельных городов как полюса географических электоральных расколов, так и “идеальных типов электоральных культур” (по Р.Ф. Туровскому) описывают различия в процессах десоветизации топонимии. Так, наиболее консервативные модели десоветизации демонстрировали города-представители Южной и Предкавказской электоральных культур (и полюсов Юга и этнической периферии в горизонтальных расколах [38]), отличающиеся соответственно про-левыми и плебисцитарно-лоялистскими настроениями. Наиболее радикальную модель десоветизации демонстрируют города Северной (северо-западной) электоральной культуры, которая характеризуется самым про-либераль-

⁹ Более подробный анализ трендов в топонимической политике городов Предкавказской электоральной культуры см. в работах В.Х. Тхакахова [39, 40].

ным электоратом. Владивосток, как представитель полюса Восток в электоральном расколе Запад-Восток и Восточной (сибирской и дальневосточной) культуры [38], проявлял переходную модель десоветизации, приближающуюся тем не менее к “Южному” консервативному типу. Это соответствует характерному для этой культуры повышенному фону национал-популистской ориентации и поддержки левых сил.

Кроме того, в соответствии с выдвинутой гипотезой, выявлена зависимость моделей десоветизации от региональных комбинаций политических ориентаций населения и политических ориентаций правящей элиты. Существенное влияние на особенности и ход десоветизации оказывали организационные и политические особенности тех региональных и городских администраций, которые были у власти в соответствующие периоды. Так, например, были зафиксированы случаи возвращения знаковых советских топонимов, которые были переименованы радикально демократически настроенными администрациями, после прихода им на смену более консервативных администраторов в “красной” Рязани. А процесс “перманентного” переименования урбонимов в Махачкале лишь ненадолго прерывался в момент смен администраций. На примере переименований центральных улиц, имевших повышенное символическое значение и носивших имя Ленина, были выявлены разные практики в исследованных модельных примерах. “Нормальная” картина возвращения такой улице в ходе первой же волны десоветизации исторического дореволюционного наименования, сохранявшегося затем неизменным, была зафиксирована в Великом Новгороде и Владивостоке. Ей противостояли модели Рязани, где, как указывалось выше, после первичного переименования центральной улицы в начале 1990-х, затем в конце 1990-х гг. ей снова было возвращено имя Ленина, а также модель Махачкалы, в которой переименование центрального Ленинского пр. в пр. Расула Гамзатова произошло отнюдь не первым, а лишь через 15 лет после окончания советской эпохи и старта периода первичной демократизации в России. Такие различия мы также объяснили особенностями указанных политических культур.

Приведенные примеры связи общественной реакции с топонимическими решениями также вполне подтверждают нашу гипотезу. Так, было показано, что в ряде случаев (как, например, в Рязани — по повестке десоветизации, а в Махачкале — по прочим аспектам топонимической политики) проявлялся существенный протестный активизм, потребовавший коррекции политики властей. В случае Великого Новгорода и Владивостока практика властей в области десоветизации совпадала с ориентациями общества и не вызывала существенного протестного активизма.

Помимо общего тренда перехода от единой советской матрицы урбонимов к региональной диверсификации топонимических подходов, нами отмечена повторяющаяся практически во всех городах тенденция к “деидеологизации” и “регионализации” топонимии через закрепление региональной исторической памяти, для Махачкалы — минимальная “деидеологизация”, замененная “деколонизацией” [39], сопровождавшейся “национализацией” и той же “регионализацией” топонимии. Можно также отметить, что по сравнению с исследованными ранее столичными городами стран СНГ [3], региональные центры, попавшие в данное исследование, демонстрировали минимальную тенденцию к появлению в топонимии новых геополитических маркеров.

Таким образом, мы подтвердили выдвинутую гипотезу, равно как и существование географических закономерностей распространения различий моделей десоветизации городской топонимии, выявили существенные факторы, формирующие такие различия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 53 новости. Новгородское сетевое издание. <https://53news.ru/novosti/55295-v-velikom-novgorode-vnov-predlozhili-pereimenovat-voskresenskij-bulvar.html> (дата обращения 10.09.2020)
2. Аксенов К.Э. Тайны избирательного бюллетеня. Электоральные бури и штилы Северной столицы, 1989–2004. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т., 2008. 333 с.

3. Аксенов К.Э., Яралян С.А. Идеологизация пространства с использованием городской топонимики в странах СНГ // Региональные исследования. 2012. № 1. С. 3–12.
4. Акт Государственной историко-культурной экспертизы: <https://primorsky.ru/upload/medi-alibrary/f05/f05d42e7c1abf800170ba05e0a82674b.pdf/> (дата обращения 15.04.2020)
5. БезФормата. Владивостокское сетевое издание, 18 марта 2020: <https://vladivostok.bezformata.com/listnews/predlozhili-pereimenovat-ulitsu-tereshkovej/82377752/>
6. Беляев А.Н. Топонимы как источник историко-лингвистической и культурологической информации. Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2018. 395 с.
7. Ваши новости. Новгородская интернет-газета. 31 Марта 2017: <https://vnnews.ru/gizn-goroda/53269-perekrojstki-v-velikom-novgorode-ne-budut-preobrazovyvat-v-ploshchadi-s-voenny-mi-nazvaniyami.html> (дата обращения 10.09.2020)
8. Ваши новости. Новгородская интернет-газета. 12 Сентября 2016: <https://vnnews.ru/gizn-goroda/50200-25-let-novgorad-ulitsam-velikogo-novgoroda-vernuli-istoricheskie-imena.html> (дата обращения 15.04.2020)
9. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Пер. с англ. и нем. В.И. Карасика, Н.Н. Трошиной. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
10. Галактионова Н.А. Социокультурный облик региона через призму топонимической политики (кейс Тюмени и Набережных Челнов) // Регионология. 2016. № 1(94). С. 152–163.
11. Дума Великого Новгорода. Официальный сайт: http://duma.nov.ru/slushaem_gorod/9/ (дата обращения 10.09.2020)
12. Забелин Н.Ю. Московская городская топонимия: структурносемантический анализ топонимической системы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2007.
13. Запольская О.В., Моисеев С.В. Улицы Великого Новгорода: справочник. Великий Новгород, 2010. 191 с.
14. Кавказ. Реалии. Сетевое издание, 22 апреля 2017: <https://www.kavkazr.com/a/ulica-kadyrova-reakcia-socsetey/28445681.html> (дата обращения 10.09.2020)
15. Кавказский узел. Сетевое издание, 27 августа 2019: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/339543/> (дата обращения 10.09.2020)
16. Калущков В.Н. Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты // Вестн. Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 57–69.
17. Мизь Н.Г., Стратиевский О.Б., Авдудевская И.А. Кто в имени твоём: улицы города Владивостока. Владивосток: ООО “Группа “Транзит ДВ”, 2008. 272 с.
18. Новая газета, Рязанский выпуск, № 03, 25 января 2018 г.: https://novgaz-rzn.ru/number25012018_03/3393.html (дата обращения 15.04.2020)
19. Новгород. Городская еженедельная газета, 12 июня 2019: <https://gazeta-novgorod.ru/gazety/gazeta-novgorod/19840-vernite-ulitse-imya-gagarina.html%20/> (дата обращения 10.09.2020)
20. Новости Владивостока, 7 июля 2018: <https://www.newsvl.ru/vlad/2018/07/02/171566/#ix-zz6YbVM5OHh>
21. Новости Владивостока, 2 июля 2018: <https://www.newsvl.ru/vlad/2018/07/02/171566/> (дата обращения 15.04.2020)
22. Официальный сайт Администрации города Махачкалы: <https://www.mkala.ru/> (дата обращения 15.04.2020)
23. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 189 с.
24. Полюшкевич О.А. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 80–94.
25. Постановление о сохранении и упорядочении наименований улиц города Владивостока: <http://docs.cntd.ru/document/432860683> (дата обращения 15.04.2020)
26. Приложение № 3 к постановлению Главы города Махачкалы от 25 декабря 2012 г. № 4426 Общегородской перечень наименований элементов улично-дорожной сети и иных территорий проживания граждан городского округа “город Махачкала”. Администрация г. Махачкала: http://sovet.mkala.ru/netcat_files/449/362/h_f31a8745c009eac8090155d21181333f/ (дата обращения 15.04.2020)
27. Регнум. Сетевой информационный портал, 22 августа 2017: <https://regnum.ru/news/society/2312595.html%20/> (дата обращения 10.09.2020)
28. Реестр наименований элементов улично-дорожной сети и плоскостных градостроительных планировочных элементов Великого Новгорода (с учетом внесенных изменений от 20.02.2020): <http://docs.adm.nov.ru/C3257598003DA045/0/C3257598003DA04544257A17001-B2AF1?OpenDocument/> (дата обращения 15.04.2020)
29. Рублёва О.Л. Топонимическая система Приморья: аспекты и перспективы исследования // Изв. Восточного института. 2016. Т. 4(32). С. 35–44.
30. Рязанская топонимическая комиссия 25 лет / Ред. Н.А. Булычев. Рязань, 2012. 98 с.

31. Список улиц Махачкалы: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%86_%D0%9C%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%87%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8B (дата обращения 15.04.2020)
32. *Терентьев Е.А.* Переименование советских топонимов в Санкт-Петербурге: анализ публичных дискуссий // ЖССА. 2015. № 2. С. 72–86.
33. *Терентьев Е.А.* Топонимический активизм и “право на город”: социологические заметки // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1. С. 194–202.
34. *Тесленок С.А., Ивлиева Н.Г., Учеваткина Н.В., Тесленок К.С.* Создание специализированной топонимической ГИС для районов дерусификации, десовьетизации и декоммунизации // Материалы Междунар. конф. “ИнтерКарто. ИнтерГИС”, 2017. Т. 23(2). С. 13–26.
35. *Титов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Ваш формат, 2017. 184 с.
36. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т “Сов. энцикл.”; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940 (4 т.).
37. *Туровский Р.Ф.* Политический ландшафт как категория политического анализа // Вестн. Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 3. С. 33–44.
38. *Туровский Р.Ф.* Концептуальная электоральная карта постсоветской России // Полития. 2005. № 4. С. 161–202.
39. *Тхакахов В.Х.* Идентичность и память в топонимической политике Чечни // Научная Мысль Кавказа. 2019. № 2. С. 40–49.
40. *Тхакахов В.Х.* Топонимическая трансформация идентичности и памяти в КБР: Нальчик // Научная Мысль Кавказа. 2018. № 4. С. 73–80.
41. Федеральная информационная адресная система (ФИАС) ФНС России: <https://fias.nalog.ru/> (дата обращения 20.07.2020)
42. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации: <http://www.cikrf.ru/> (дата обращения 25.07.2020)
43. *Чайкина Ю.И.* Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов (по материалам деловой письменности XVII–XVIII вв.) // Вопросы ономастики. Вып. 15 / Отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1982. С. 48–56.
44. *Alderman D.H., Inwood J.* Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther King // J. Social & Cultural Geography. 2013. V. 14. № 2. P. 211–233.
45. *Axenov K.* Between degradation and gentrification in a post-transformational metropolis city center: the case of St. Petersburg // Eurasian Geography and Economics. 2014. V. 55. № 6. P. 656–673.
46. *Marín A.R. José.* Bordering Time in the Cityscape. Toponymic Changes as Temporal Boundary-Making: Street Renaming in Leningrad/St. Petersburg. // Geopolitics. 2012. № 17. P. 192–216.
47. *Purcell M.* Excavating Lefebvre: the right to the city and its urban politics of the inhabitant // Geo-J. 2002. V. 58. № 2–3. P. 102–103.
48. *Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M.* Collective memory and the politics of urban space: an introduction // Geo-J. 2008. V. 73. № 3. P. 161–164.
49. *Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M.* Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies // Progress in Human Geography. 2010. V. 34. № 4. P. 453–470.
50. *Sykora L., Bouzarovski S.* Multiple Transformations: Conceptualising the Post-communist Urban Transition // Urban Studies. 2012. V. 49. P. 43–60.

Geographic Patterns of De-Sovietization of Toponymy in Russian Cities

K. E. Axenov*

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

**e-mail: axenov@peterlink.ru*

Desovietization of urban toponymy is understood in the paper as a process of abandoning the unified “matrix of urban names” that formed a common Soviet identity, and as an indicator of the transition of Russian society from the unification of identity to its diversity. The paper proves that the practices of desovietization of urban toponymy in Russia differ significantly, and such differences are associated with regional combinations of political orientations of the population and the political orientations of the ruling elite. Poles of geographical electoral cleavages, types of electoral cultures (according to R.F. Turovsky) describe geographical differences in the processes of desovietization of toponymy. It is shown what influence the organizational and political features of regional and city administrations had on the features and course of desovietization during the periods of renaming. In addition to the general

trend of transition from a single Soviet matrix of urban names to regional diversification of toponymic approaches, there is a tendency to “deideologization” and “regionalization” of toponymy through the consolidation of regional historical memory, for national republics – minimal “deideologization”, replaced by “decolonization”, accompanied by “nationalization” and the same “regionalization” of toponymy.

Keywords: urban toponymy, desovietization, identity, post-Soviet transformation, geographical patterns, electoral cleavages, urban governance

REFERENCES

1. 53 novosti. Novgorodskoe setevoe izdanie. <https://53news.ru/novosti/55295-v-velikom-novgorode-vnov-predlozhili-pereimenovat-voskresenskij-bulvar.html> (data obrashcheniya 10.09.2020)
2. *Aksenov K.E.* Tajny izbiratel'nogo byulletenya. Elektoral'nye buri i shtili Severnoj stolicy, 1989–2004. SPb.: Sankt-Peterburgskij gos. un-t., 2008. 333 s.
3. *Aksenov K.E., Yarlyan S.A.* Ideologizaciya prostranstva s ispol'zovaniem gorodskoj toponimiki v stranah SNG // Regional'nye issledovaniya. 2012. № 1. S. 3–12.
4. Akt Gosudarstvennoj istoriko-kul'turnoj ekspertizy: <https://primorsky.ru/upload/medialibrary/f05/f05d42e7c1abf800170ba05e0a82674b.pdf/> (data obrashcheniya 15.04.2020)
5. BezFormata. Vladivostokskoe setevoe izdanie, 18 marta 2020: <https://vladivostok.bezformata.com/listnews/predlozhili-pereimenovat-ulitcu-tereshkovej/82377752/>
6. *Belyaev A.N.* Toponimy kak istochnik istoriko-lingvisticheskoj i kul'turologicheskoj informacii. Moskva, Berlin: Direkt-Media, 2018. 395 s.
7. Vashi novosti. Novgorodskaya internet-gazeta. 31 Marta 2017: <https://vnnews.ru/gizn-goroda/53269-perekryjstki-v-velikom-novgorode-ne-budut-preobrazovyvat-v-ploshchadi-s-voenny-mi-nazvaniyami.html> (data obrashcheniya 10.09.2020)
8. Vashi novosti. Novgorodskaya internet-gazeta. 12 Sentyabrya 2016: <https://vnnews.ru/gizn-goroda/50200-25-let-nazad-ulitsam-velikogo-novgoroda-vernuli-istoricheskie-imena.html> (data obrashcheniya 15.04.2020)
9. *Vodak R.* Yazyk. Diskurs. Politika / Per. s angl. i nem. Karasika V.I., Troshinoj N.N. Volgograd: Peremena, 1997. 139 s.
10. *Galaktionova N.A.* Sociokul'turnyj oblik regiona cherez prizmu toponimicheskoj politiki (kejs Tyumeni i Naberezhnyh CHelnov) // Regionologiya. 2016. № 1(94). S. 152–163.
11. Duma Velikogo Novgoroda. Oficial'nyj sajt: http://duma.nov.ru/slushaem_gorod/9/ (data obrashcheniya 10.09.2020)
12. *Zabelin N.Yu.* Moskovskaya gorodskaya toponimiya: strukturno-semanticheskij analiz toponimicheskoy sistemy. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. M., 2007.
13. *Zapol'skaya O.V., Moiseev S.V.* Ulicy Velikogo Novgoroda: spravochnik. Velikij Novgorod, 2010. 191 s.
14. Kavkaz.Realii. Setevoe izdanie, 22 aprelya 2017: <https://www.kavkazr.com/a/ulica-kadyrova-reakcia-socsetey/28445681.html> (data obrashcheniya 10.09.2020)
15. Kavkazskij uzel. Setevoe izdanie, 27 avgusta 2019: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/339543/> (data obrashcheniya 10.09.2020)
16. *Kaluckov V.N.* Konceptualizaciya geograficheskogo prostranstva: onomasticheskie aspekty // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezkul'turnaya kommunikaciya. 2020. № 1. S. 57–69.
17. *Miz' N.G., Stratievskij O.B., Avduevskaya I.A.* Kto v imeni tvoyom: ulicy goroda Vladivostoka. Vladivostok: OOO “Gruppa “Tranzit DV”, 2008. 272 s.
18. Novaya gazeta, Ryazanskij vypusk, № 03, 25 yanvarya 2018 g.: https://novgaz-rzn.ru/number25012018_03/3393.html (data obrashcheniya 15.04.2020)
19. Novgorod. Gorodskaya ezhenedel'naya gazeta, 12 iyunya 2019: <https://gazeta-novgorod.ru/gazety/gazeta-novgorod/19840-vernite-ulitse-imya-gagarina.html%20/> (data obrashcheniya 10.09.2020)
20. Novosti Vladivostoka, 7 iyulya 2018: <https://www.newsvl.ru/vlad/2018/07/02/171566/#ixzz6Yb-VM5OHH>
21. Novosti Vladivostoka, 2 iyulya 2018: <https://www.newsvl.ru/vlad/2018/07/02/171566/> (data obrashcheniya 15.04.2020)
22. Oficial'nyj sajt Administracii goroda Mahachkaly: <https://www.mkala.ru/> (data obrashcheniya 15.04.2020)
23. *Podol'skaya N.V.* Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii. Izd. 2-e, pererab. i dop. / Otv. red. A.V. Superanskaya. M.: Nauka, 1988. 189 s.

24. *Polyushkevich O.A.* Simvolicheskoe konstruirovaniye territorial'noj identichnosti (na primere toponimiki Irkutskaja) // Upravlencheskoe konsul'tirovaniye. 2017. № 11. S. 80–94.
25. Postanovleniye o sohraneni i uporyadocheni naimenovaniy ulic goroda Vladivostoka: <http://docs.cntd.ru/document/432860683> (data obrashcheniya 15.04.2020)
26. Prilozheniye № 3 k postanovleniyu Glavy goroda Mahachkaly ot 25 dekabrya 2012 g. № 4426 Obshchegorodskoj perechen' naimenovaniy elementov ulichno-dorozhnoj seti i inyh territorij prozhivaniya grazhdan gorodskogo okruga "gorod Mahachkala". Administraciya g. Mahachkala: http://sovet.mkala.ru/netcat_files/449/362/h_f31a8745c009eac8090155d21181333f/ (data obrashcheniya 15.04.2020)
27. Regnum. Setevoy informacionnyj portal, 22 avgusta 2017: <https://regnum.ru/news/society/2312595.html%20/> (data obrashcheniya 10.09.2020)
28. Reestr naimenovaniy elementov ulichno-dorozhnoj seti i ploskostnyh gradostroitel'nyh planirovochnykh elementov Velikogo Novgoroda (s uchytom vnesennykh izmenenij ot 20.02.2020): <http://docs.adm.nov.ru/C3257598003DA045/0/C3257598003DA04544257A17001B2AF1?OpenDocument/> (data obrashcheniya 15.04.2020)
29. *Rublyova O.L.* Toponimicheskaya sistema Primor'ya: aspekty i perspektivy issledovaniya // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2016. V. 4(32). S. 35–44.
30. Ryazanskaya toponimicheskaya komissiya 25 let / Red. N.A. Bulychev. Ryazan', 2012. 98 s.
31. Spisok ulic Mahachkaly: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%86_%D0%9C%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%87%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8B (data obrashcheniya 15.04.2020)
32. *Terent'ev E.A.* Pereimenovaniye sovetских toponimov v Sankt-Peterburge: analiz publicznykh diskussij // ZHSSA. 2015. № 2. S. 72–86.
33. *Terent'ev E.A.* Toponimicheskij aktivizm i "pravo na gorod": sociologicheskie zametki // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2015. № 1. S. 194–202.
34. *Teslenok S.A., Ivlieva N.G., Uchevatkina N.V., Teslenok K.S.* Sozdaniye specializirovannoj toponimicheskoi GIS dlya rajonov derusifikacii, desovetizacii i dekomunizacii // Materialy Mezhdunar. konf. "InterKarto. InterGIS", 2017. V. 23(2). S. 13–26.
35. *Titov V.V.* Politika pamyati i formirovaniye nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti: rossijskij opyt i novye tendencii. M.: Vash format, 2017. 184 c.
36. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Pod red. D.N. Ushakova. M.: Gos. in-t "Sov. encikl."; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov., 1935–1940 (4 t.).
37. *Turovskij R.F.* Politicheskij landshaft kak kategoriya politicheskogo analiza // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki. 1995. № 3. S. 33–44.
38. *Turovskij R.F.* Konceptual'naya elektoral'naya karta postsovetsoj Rossii // Politiya. 2005. № 4. S. 161–202.
39. *Thakahov V.H.* Identichnost' i pamyat' v toponimicheskoi politike Chechni // Nauchnaya Mysl' Kavkaza. 2019. № 2. S. 40–49.
40. *Thakahov V.H.* Toponimicheskaya transformaciya identichnosti i pamyati v KBR: Nal'chik // Nauchnaya Mysl' Kavkaza. 2018. № 4. S. 73–80.
41. Federal'naya informacionnaya adresnaya sistema (FIAS) FNS Rossii: <https://fias.nalog.ru/> (data obrashcheniya 20.07.2020)
42. Central'naya izbiratel'naya komissiya Rossijskoj Federacii: <http://www.cikrf.ru/> (data obrashcheniya 25.07.2020)
43. *Chajkina YU.I.* Iz istorii toponimii i antroponimii Ustyuzhskogo i Totemskogo uezdov (po materialam delovoj pis'mennosti XVII–XVIII vv.) // Voprosy onomastiki. Vyp. 15 / Otv. red. A.K. Matveev. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1982. S. 48–56.
44. *Alderman D.H., Inwood J.* Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther King // J. Social & Cultural Geography. 2013. V. 14. № 2. P. 211–233.
45. *Axenov K.* Between degradation and gentrification in a post-transformational metropolis city center: the case of St. Petersburg // Eurasian Geography and Economics. 2014. V. 55. № 6. P. 656–673.
46. *Marín A.R. José.* Bordering Time in the Cityscape. Toponymic Changes as Temporal Boundary-Making: Street Renaming in Leningrad/St. Petersburg. // Geopolitics. 2012. № 17. P. 192–216.
47. *Purcell M.* Excavating Lefebvre: the right to the city and its urban politics of the inhabitant // Geo-J. 2002. V. 58. № 2–3. P. 102–103.
48. *Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M.* Collective memory and the politics of urban space: an introduction // Geo-J. 2008. V. 73. № 3. P. 161–164.
49. *Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M.* Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies // Progress in Human Geography. 2010. V. 34. № 4. P. 453–470.
50. *Sýkora L., Bouzarovski S.* Multiple Transformations: Conceptualising the Post-communist Urban Transition // Urban Studies. 2012. V. 49. P. 43–60.